

2 сентября 1980 г. № 71 (5391) ◀

МОСКОВСКИЕ ГАСТРОЛИ

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

Как всегда после долгой разлуки с давним добрым другом (в предыдущие гастроли Театра оперы и балета Латвийской ССР в Москве состоялись четверть века назад), начинаешь анализировать: что созрело в нем с той давней поры? Что нового внесло время в его облик? Пршедшие годы были для оперной труппы временем трудных испытаний и блистательных побед. Надежд и разочарований. Поисков и утверждений. Именно в эту пору завершили свою деятельность и оставили сцену корифеи латвийской оперы Э. Пакуль, Ж. Гейне-Валгер, А. Вилломанис, А. Фринберг, А. Дашков, дирижер Э. Томс. Но живы в коллективе из плодотворные традиции, и на них воспитано новое поколение мастеров, таких, как К. Зариньш, П. Гравелис. Труппу пополнила плеяда талантливых молодых артистов — Л. Грейдана, Э. Брахмана, В. Окунь, Ю. Рийкурис и другие. Еще больше укрепились связи театра с латвийскими композиторами, и ежегодно его афишу пополняет новый национальный спектакль. Продолжает коллектив и поиски новых для советского слушателя произведений.

В Москву коллектив привез пять лучших своих постановок. Это прежде всего национальные оперы — уже звучавшая в столице «Банюта» А. Калныня и новое, ранее неизвестное нам произведение Им. Калныня «Играл я, плясал» по одноименной пьесе Яна Райниса. (В этом сочинении, охватывающем широкий круг проблем — превращение поколения, самопожертвование, предательство, утверждение животворящей силы народного искусства, — сплелись характерные приметы классической оперы, самобытного латвийского музыкального фольклора и рок-музыки).

Другой раздел афиши составили три оперы Дж. Верди, в числе которых и не шедший в Москве «Макбет».

К части коллектива следует отметить и все пять опер, показанных в дни гастролей, осуществленных на высоком художественном уровне. Страстно, эмоционально проводит спектакли дирижер А. Вилломанис. В «Банюте» с монументальным размахом «выписаны» им хоры сцены, в «Макбете» найден исполненный драматизма «ключ», который «открывает» нам страдания Макбета и естественное его жены, горе и решимость Макдуфа... Высокое мастерство продемонстрировал Р. Глаупис. В его работах — «Отелло» и «Бал-маскараде», в частности, поразительно точно выверены, отшлифованы, доведены до высокой степени совершен-

ства ансамбли. И все же в некоторых эпизодах, как нам показалось, отсутствовал тот эмоциональный накал, без которого, скажем, начальная сцена в «Отелло» остается изобразительным эпизодом, не вырастает до обобщенного образа бури, предвещающей крушение любви героев...

Удивительно режиссерское решение большинства показанных опер. Постановщик «Отелло» О. Шалконис «выстроил» спектакль с точным ощущением динамики развития образов, массовые сцены в первом акте полны жизни, «включают» страсти... Много выдумки вложено в постановку «Макбета» (режиссер Я. Зариньш), в частности, в сцене встречи Макбета с ведьмами, позволения призрака Банко на пиру. И каждый раз отправной точкой для постановщиков является музыка. Так, некоторая статичность массовых сцен в опере «Играл я, плясал» (режиссер М. Кублицкий) продиктована, как нам думается, близостью музыки Им. Калныня ораториально-кантатному жанру. Привлекают в этой опере, как и в «Банюте» (постановщик К. Лиепа), достоверность народных обрядов, поэтизация быта.

В то же время в ряде спектаклей имеются, на наш взгляд, спорные решения. Нам представляется, что в «Играл я, плясал» несколько «облагорожены» сцены предпоследней, что снижает этическое звучание подвига народного певца Тота, побеждающего всю нечисть. Вызывает возражение режиссура в финале «Макбета»: ожесточение битвы, смертельный поединок благородства и низости, духовного величия и подлости подменяются открыто бутафорским помахиением мечам.

В спектаклях театра мы услышали великолепных исполнителей. Это прежде всего К. Зариньш. Естественно и свободно льется голос певца, его сценическое поведение продиктовано глубинным постижением характера героя. К. Зариньш наделен чудесным даром перевоплощения, и вот уже вокальное мастерство и актерская игра словно растворяются в порывах страсти, раздирающих душу Отелло, или, напротив, дают лучистый сплав ансамбля, духовной чистоты, величия («Густав» в «Бале-маскараде»). Довелось мне его услышать также в «Банюте», где возникает совсем иной характер — смелый, открытый людям Вилку. Ярким драматизмом пронизано искусство П. Гравелиса. Подлинно трагедийным началом отмечено «прочтение» им партии Макбета, и приходится сожалеть, что нам не довелось услышать этого мастера в партиях Яго или

Ренато. Безоблачным мироощущением пронизано исполнение партии Дездемоны артисткой С. Рая, эмоциональной возлюбленностью увлекает ее Амелия («Бал-маскараде»). Сильной, волевой натурой предстает леди Макбет в талантливом исполнении певицы Д. Рийкура.

В Театре оперы и балета Латвийской ССР ведется большая и плодотворная работа с творческой молодежью. В двух центральных партиях — Лелде в «Плясал я, играл» и Дездемоны — мы услышали певицу Л. Грейдану. В обеих (несмотря на то, что в Дездемоне были некоторые шероховатости) она оставила сильное впечатление. Значителен успех Ю. Рийкуриса в партии Макдуфа в «Макбете» и особенно народного певца Тота в «Играл я, плясал». Вокальное совершенство и сценическую свободу продемонстрировал Э. Брахмане (Оскар в «Бале-маскараде») — слушателям надолго запомнится ее серебристое пение с искорками колоратур. Неравнозначны работы, показанные В. Окунем (Яго в «Отелло» и Ренато в «Бале-маскараде»). Этот, несомненно, даровитый певец сценически еще недостаточно зрел.

Ярко впечатление оставляют хоры сцены в спектаклях рижан (главный тормейстер И. Матрозис). В зрелости хора как бы сфокусировалось завоевание хорового искусства в республике в целом (еще одно тому свидетельство — мастерство народного хора «Ава сола», запись которого мы слышали в спектакле «Играл я, плясал»). Хор театра и его руководитель находят удивительные и порой неожиданные оттенки звучания.

Общий высокий уровень спектаклей находит свое продолжение и в художественном оформлении. Впечатляет, например, образное решение «Отелло» (художник Э. Вардаунис) со световым и цветовым контрастом двух крайних, мрачных по тональности актов, в которых происходит завязка и развязка кровавой трагедии, и «промежуточных», «средних», более красочных и сочных. Удачно найден художественный символ в оформлении спектакля «Играл я, плясал» (сценограф А. Лапинь) — могучее дерево Жизни, Судьбы.

Гастроли Театра оперы и балета Латвийской ССР в Москве, проходившие в год сорокалетия республики, продемонстрировали, что сегодня можно с уверенностью говорить о новом творческом взлете, о том, что оперная труппа вновь вступает в пору расцвета. Она обрела «второе» дыхание.

М. МАНУЙЛОВ.